

Из книги Евгения Долматовского «Рассказы о твоих песнях»

Существовала легенда, будто Потье написал «Интернационал» сразу, в одно мгновение, без единой поправки, когда скрывался в Париже после разгрома Коммуны. Нет сомнения в том, что «Интернационал» — плод огромного переживания, величайшего накала вдохновения и пафоса. Но Гимн пролетариата является вместе с тем и плодом мучительного труда. Это подтверждает советский поэт Александр Гатов, более тридцати лет жизни посвятивший работе над переводами из Потье. Он разыскал книгу, изданную в Ганновере, в которой был воспроизведен черновик «Интернационала». Гатов убедился в том, сколько труда вложено в обработку текста. Потье выбирал слова, заменял их, перечеркивал, находил наиболее точные формулы революционных призывов. Я не принижаю поэзию, говоря о формулах. Такая песня, как «Интернационал», и обязана была в самых сжатых фразах сформулировать главные идеи революции.

Мне представляется духовным подвигом пятидесятипятилетнего поэта и то, что он на следующий день после того, как его мечта была растоптана, нашел в себе силы, прячась где-то на мансарде, кропотливо и мучительно отбирать слова для выражения своей несломленной веры.

Стихи Потье положили на музыку Пьер Дежейтер (у нас чаще пишут его фамилию — Дегейтер), тоже ветеран Парижской коммуны, тоже рабочий — токарь по дереву. Он, как любитель, сочинял стихи и куплеты, пел их в кабачках города Лилля, куда был выслан душителями Коммуны.

В 1888 году Дежейтер нашел книгу «Революционные песни», вероятно, того самого издания, экземпляр которого сохранился в кремлевской библиотеке Владимира Ильича.

Дежейтер рассказывает в своей автобиографии, как он работал над творением Потье. Первую строфу стихов он превратил в припев, все другие строфы как бы подводили мысль к припеву.

Дежейтер руководил хоровым кружком «Лири рабочих», и этот скромный коллектив впервые исполнил «Интернационал» на празднике газетчиков в Лилле 23 июня 1888 года.

Голоса рабочего хора разнесли песню революции по северу Франции. В конце XIX века песня шагнула дальше, распространилась по всем департаментам.

Я пишу сейчас эти строки, относящиеся к далекой-далекой истории, и вспоминаю 1928 год, шумную встречу московских пионеров с ветеранами Парижской коммуны. Своими глазами я видел, как мои товарищи пионеры повязывали красные галстуки трем старикам в глухих сюртуках, а старики молодо улыбались, подымали руки, отдавая пионерский салют. Один из них был Пьер Дежейтер...

И еще одно воспоминание юношеских лет. В пашей компании начинающих поэтов был Григорий Код, в дальнейшем ставший видным геологом, но, насколько мне известно, до сих пор дышащий стихами. Жил он в Москве, в Трубниковском переулке. Его отец, горный инженер Аркадий Яковлевич, очень интересовался стихотворными начинаниями сына и его товарищей. Аркадий Яковлевич был в полном смысле этого слова обаятельным человеком. Он сумел приворожить к себе начинающих поэтов. Никто из нас тогда не знал, что Аркадий Яковлевич — автор русского текста «Интернационала». В те годы «Интернационал» печатался без упоминания автора перевода, а Аркадий Яковлевич по своей исключительной скромности никогда и никому не говорил о том, что в 1902 году, будучи во Франции, в эмиграции, он создал русский текст «Всемирной рабочей песни». То, что было сказано Потье в семи строфах, А. Я. Коц спрессовал в три строфы, нашел русские синонимы, сформулировал боевые лозунги назревавшей русской революции.

«Интернационал» запели сперва русские революционные социал-демократы за рубежом. В 1902 году русский текст был напечатан в журнале «Жизнь», и это можно считать началом прихода «Интернационала» па русскую почву. Его печатали в подпольных типографиях, переписывали от руки. Царские охранники арестовывали текст «Интернационала», как будто это живой революционер. За текстами охотились сыщики и жандармы.

Но песня распространялась неуклонно, и к моменту первой русской революции 1905 года ее повсеместно пели на рабочих митингах и демонстрациях. Она проникла в Армению, в Грузию, в Прибалтику. Эта песня гремела в дни Октября, воодушевляя рабочих, солдат и матросов. («Это будет последний и решительный бой» — так было в первом варианте «Интернационала», переведенного А. Коцем, так его и пели до выстрела «Авроры»). Октябрьская революция внесла поправку, и с тех пор мы поем «Это есть наш последний и решительный бой». Никто не предлагал и не утверждал эту поправку — ее сделал сам народ, ее сделала сама история.)

Весной 1966 года в Кремлевском Дворце съездов шло заседание XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Неожиданно председательствующий остановил прения. Было объявлено о том, что советская космическая станция, преодолев звездные просторы, опустилась на поверхность Луны. Советские ученые приготовили чудесный сюрприз: установленное на космической станции музыкальное) устройство передало по радио с Луны начальные такты мелодии партийного гимна «Интернационал».

В безмолвном волнении встал съезд: вся страна, весь мир замер у радиоприемников: песнь пролетариев Земли стала первой песнью Вселенной.

Долматовский, Евгений Аронович. Рассказы о твоих песнях. — Москва : Детская литература, 1973. — 351с.